

Дискурс природы в молодых городах

Наталья Веселкова

Кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии
департамента политологии и социологии Уральского федерального университета
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Михаил Вандышев

Кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии
департамента политологии и социологии Уральского федерального университета
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: m.n.vandyshhev@urfu.ru

Елена Прямикова

Доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической
и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета
Адрес: пр. Космонавтов, д. 26, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620017
E-mail: pryamikova@yandex.ru

В статье рассматриваются «чтение» и производство дискурса природы (в терминах Макнотена и Урри) в молодых индустриальных городах, возникших в нашей стране после 1917 года. Эмпирически исследование сфокусировано на четырех уральских поселениях: Краснотурьинск, Лесной, Заречный, Качканар. Используются два хронологически различных корпуса источников: относящихся к советскому и постсоветскому времени, аккумулирующих официальный и неофициальный дискурс. Базовым полемым методом является go-along интервью. Для анализа собранных материалов была разработана схема, включающая: а) смыслообразующее утверждение, задающее общий вектор выражений и восприятия природы; б) статус природы в отношениях с человеком; в) предикативные элементы, раскрывающие понимание природы и её связь с не-природой. На основании разработанной схемы выделяются три фазы развития дискурса о природе. На первом этапе смыслообразующим элементом является покорение, которое затем на втором этапе сменяется риторикой партнерства, и наконец, на третьем этапе в нем фиксируется экологическая проблематика. На сегодняшний день дискурс природы в молодых городах отличается двойственностью. С одной стороны, в нём артикулируются экологические риски, восхищение лесами и горами, «естественной» и «облагороженной» средой, ценимой как источник позитивной локальной идентичности и комфорта, возможностей интересного досуга. С другой стороны, актуальный дискурс содержит признание необходимости дальнейшего промышленного использования природы для поддержания жизнеспособности города. Экологическая линия оказывается более слабой, поскольку сохраняется восприятие градообразующего предприятия как основы жизни города.

Ключевые слова: дискурс природы, молодой индустриальный город, градообразующее предприятие, риски, Урал

© Веселкова Н. В., 2016

© Вандышев М. Н., 2016

© Прямикова Е. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-112-133

Природа играет особую роль в молодых городах¹, выступая наряду с индустриальными элементами едва ли не самым мощным идентификатором. В ходе исследования мест памяти в молодых уральских городах мы нашли тому красноречивые свидетельства — в материалах фотомappingа, сопровождающих интервью и местные медиа.

Цель исследовательского проекта «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» заключалась в определении смысловой «привязки» жителей к пространству собственного города². Свообразии городов с долгой историей в данном случае заменяется общей риторикой социалистических побед, в том числе над природой, что является некой «опорной» темой ускоренной индустриализации. Тем не менее тема природы в материалах, полученных в ходе исследования, оказалась одной из базовых, обосновывающих не просто «привязку» к месту жительства (здесь тихо, красиво, спокойно и т. д.), но и чувство гордости за свой город.

В статье предпринята попытка анализа «чтения и производства природы» с социологической, социально конструкционистской точки зрения, по Ф. Макнотену и Дж. Урри (Макнотен, Урри, 1999: 275; ср.: Macnaghten, Urry, 1998)³, — через контекстуализацию современного восприятия природы в официальном дискурсе молодых городов с раннесоветских времен. Используются два хронологически различных корпуса источников, относящихся к советскому и постсоветскому времени. Основу первого составляют материалы печатных СМИ: центральные («Правда», «Известия», «Смена») и уральские (свердловские областные газеты «Уральский рабочий» и «На смену!», пресса отдельных городов), ряд других изданий. Второй, современный, набор источников наряду с локальными СМИ и другими официальными текстами представлен интервью жителей изучаемых уральских городов. Помимо времени создания, источники различаются по статусу: к официальным

1. Под молодыми городами понимаются поселения городского типа, возникшие в России после 1917 г.

2. Поддержано РГНФ и правительством Свердловской области (№ 13-13-66010, 2013–2014 гг.). Исследование проводилось в четырех «молодых» городах Свердловской области: Качканаре, Краснотурьинске, Лесном и Заречном. Качканар основан в 1957 г., статус города присвоен в 1968 г., численность населения на 2015 г. — 40 036 человек, расстояние до Екатеринбурга — около 260 км; Краснотурьинск основан и получил статус города в 1944 г., численность населения на 2015 г. — 58 581 человек, расстояние до Екатеринбурга — около 400 км; Лесной основан в 1947 г., статус города присвоен в 1954 г., численность населения на 2015 г. — 49 338 человек, расстояние до Екатеринбурга — около 230 км; Заречный основан в 1955 г., статус города присвоен в 1992 г., численность населения на 2015 г. — 27 619 человек, расстояние до Екатеринбурга — около 50 км.

3. Фронт актуальных методологических дискуссий сегодня проходит между конструкционизмом и реализмом и прагматизмом (см., напр.: Pretty, Ball et al., 2007), однако участие в этой полемике выходит за рамки настоящей статьи.

Выборка производилась по полнотекстовым базам газет «Правда», «Известия», «Смена» за весь период издания в советское время по ключевым словам: «новый город», «молодой город», «город юности», а также по названию изучаемых городов. Поиск по областным изданиям и газетам изучаемых городов осуществлялся с помощью каталога статей в Краеведческом отделе Свердловской областной научной библиотеки им. В. Г. Белинского. Кроме того, отдельные подшивки просматривались полностью — прежде всего за первые годы издания, а также юбилейные, значимые годы для каждого города.

мы относим газетные, журнальные и книжные публикации, в том числе в онлайн-формате. К неофициальным — высказывания наших информантов, а также материалы местных форумов, тематических групп в социальных сетях, обсуждение статей в интернет-версиях изучаемых газет⁴. Следует учитывать также различие данных, диктуемое спецификой письменной и устной речи.

Ретроспективная реконструкция дискурса природы в молодых городах осуществлена на основе следующих положений. Во-первых, содержание и структура дискурса релевантны историческим обстоятельствам — как стихийно складывающимся, так и целенаправленно формируемым (например, в виде идеологических матриц, запроса на отрицание прошлого и конструирования будущего с нуля). Дискурсы природы раскрываются через смысловые конструкции официальных текстов и повседневного языка. Во-вторых, в молодом городе в силу сравнительно небольшого исторического багажа, необходимого для самоидентификации, возникающие дискурсы (не только природы, но и, например, индустриальности) предстают в относительно «чистом» виде и этим удобны для исследования. Анклавный характер небольшого индустриального центра⁵ способствует консервации «советского» наследия в качестве единственного собственного достояния молодого города. Несмотря на то, что обитатели изучаемых поселений уже более 20 лет живут в условиях постсоветской реальности, в высказываниях наших информантов просматриваются как следы героического прошлого города, романтика первостроителей, так и более поздние, эстетизирующие и экологизирующие варианты прочтения природы. В-третьих, выстраивая различные типы дискурсов в линейную последовательность, можно видеть, как значение природы менялось от героики покорения к «оправе» для комфортного проживания, от последующего признания важности экологического равновесия к чему-то новому на текущем этапе.

Исторические метафоры конфронтации и мирного сосуществования позволяют зафиксировать ключевые мыслительные модели и основные представления о природе (см., например, Бедкер, 2010). Мы выделяем три фазы развития дискурса о природе в период с 1920-х годов по настоящее время⁶.

Идея предлагаемой периодизации состоит не в том, чтобы обосновать четко выраженные этапы, имеющие начало и конец, а в том, чтобы показать их как характерные драматические пики. Иными словами, речь не о революциях в дискурсе природы, а о том, что образующие его смысловые элементы, порождаемые разными акторами, в какой-то момент начинают продуцировать выражения того

4. Деление на официальные и неофициальные обнаруживает свою условность: газеты, как и форумы и топика социальные сети, модерировать обсуждения согласно заданным правилам. Участники интервью, безусловно, также сознательно и бессознательно «редактируют» свою речь в соответствии со своими ожиданиями и меняющимся в ходе общения с интервьюером форматом взаимодействия (по степени формальности, доверительности и т. п.).

5. Мы писали об анклавности таких поселений на примере уральского города Асбеста (Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2011); все четыре города в настоящем исследовании обладают чертами монопоселения, поэтому к ним применимы выводы относительно анклавности.

6. Существуют и другие периодизации дискурса природы. См., например: Болотова, 2014.

или иного рода, образующие своеобразие каждого этапа. Это эффект эмерджентности — по слову, по легкой тональности копится критическая масса изменений, а потом меняются представления на официальном и неофициальном уровнях. Данный процесс растянут во времени и мозаичен: до сих пор есть люди, которые считают, что природу надо покорять, изымать из нее все, что можно, и одновременно бояться, например, как перевала Дятлова под Ивделем. Подобные истории и установки периодически оживают и тиражируются. Таким образом, вытягивание в хронологическую линию существующих сегодня выражений «с разных страниц текста» помогает понять, к каким смысловым матрицам они относятся и какой историко-социальный шлейф за собой несут. С учетом сделанных замечаний представляется продуктивной следующая периодизация:

1920–1950-е годы — радикализация дискурса природы, на фоне индустриализации доминирует идея переделки природы под собственные нужды;

1950–1980-е годы — общая тенденция к содружеству природы и человека с его по-прежнему активной преобразовательной деятельностью, поиск вариантов взаимовыгодного существования на уровне обустройства городского ландшафта, за счет сплетения природы и не-природы;

1980-е годы по настоящее время — экологизация дискурса, выделение риск-аспектов с последующей дедраматизацией.

В своих рассуждениях о дискурсе природы мы отталкиваемся от взглядов М. Фуко (Фуко, 1996). Развиваемая нами концепция анализа близка идеям Н. Фэркло (Fairclough, 1995) и Р. Водак (Тичер и др., 2009) и содержит в себе три основных составляющих:

- смыслообразующее утверждение, задающее общий вектор выражений и восприятия природы;
- статус природы в отношениях с человеком;
- предикативные элементы, раскрывающие понимание природы и ее связь с не-природой.

Примененные к выделенным периодам, эти элементы дают следующую картину (Табл. 1).

Таблица 1
Схема анализа дискурса природы по трем периодам

Периоды	1920–1950-е годы <i>Заряд индустриальной модерности</i>	1950–1980-е годы <i>Мирное взаимодействие с природой: трансформа- ция оптики</i>	1980-е годы — по настоящее время <i>Экология: конверсия рисков</i>
<i>Смыслообразующее утверждение</i>	Покорение природы — «от вчерашней дикости к процветанию в будущем»	Преобразование приро- ды как сотрудничество, а не борьба	Катастрофичность, экологические риски
<i>Статус природы</i>	Объект покорения, (иногда) противостоящий человеку субъект	Партнер и источник благоприятных условий проживания людей	Жертва, объект защиты
<i>Предикативные элементы</i>	Природа богата (кладо- вая, копилка жизненно важных ресурсов) Природа неуступчива, сурова и даже агрессивна	Природа нуждается в бережном освоении Природа красива	Природу нужно вернуть в города

Рассмотрим каждый период подробнее, внимательно присматриваясь к языку фраз, за шаблонностью которых содержится нормализующая и внушающая сила их установок⁷.

Молодые города и природа: заряд индустриальной модерности (1920–1950-е годы)

Молодые города выросли вокруг промышленных предприятий-новостроек, многие из них остались моногородами и поныне сохраняют ядро индустриальной модерности, а тем самым и встроенное в понимание таких обществ (Трубина, 2008: 106) противопоставление общества и природы. Идеи о возможности и необходимости полновластно управлять природными процессами уже в XIX в. будоражили умы и в России, и на Западе (Вайнер, 1991: 20–22; Макнотен, Урри, 1999: 264). Существовало и другое течение, провозглашавшее самоценность природы безотносительно ее полезности для человека, однако в эпоху индустриального роста эта «пасторальная», по Д. Вайнеру, модель с ее (нео)романтическими, этико-религиозными обертонами и резким неприятием технократизма была обречена. Еще одна, «экологическая» модель природы (Вайнер, 1991), пережив взлет в 1920-е, была затем отеснена на обочину. В итоге центральное место в советском официальном дискурсе (который, в свою очередь, существенно менялся) заняла фундаментальная для модерна в целом «прометеевская» установка господства человека над природой.

Смыслообразующим утверждением дискурса на этом этапе является *покорение природы*. Оно становится одним из важнейших элементов раннесоветской героики преобразований наряду с успехами индустриального строительства и воспитания новых людей. Более того, отсылки к природе в историях молодых городов, эффектно отмечающие исходное положение дел, символизируют фактически сакральное начало.

Там, где несколько лет назад на тысячи километров простирались бесплодные степи и глухая тайга, каменистые горы и безлюдная тундра, где плотность населения измерялась единицами, — там теперь кипит стройка⁸.

«Выше темпы строительства социалистических городов» («Правда», 1932)

Подобные эпитеты следуют из понимания природы как отделенной и противоположной человеку сущности. Как показал в своем классическом эссе Раймонд Уильямс (Williams, 2005: 76–78), природой в этой логике стало считаться то, что не затронуто человеком — уединенные места, дикая местность. Природа предстает

7. Мы считаем принципиально важным использование словаря источников не только в виде примеров, но и в качестве элементов аналитики — в таких случаях повторяющиеся за рамками цитат слова, как правило, выделены курсивом или заключены в кавычки.

8. Подчеркивания здесь и далее — наши: одинарное подчеркивание акцентирует один тип выражений, двойное — противоположный ему.

глухой и бесплодной именно потому, внушает нам текст, что она безлюдна. Неосвоенная человеком природа символизирует дикость и косность всего, что противостоит новому миру. В этой перспективе закономерно сливаются дремучие леса и такой же уклад жизни, оказываясь в негативной части «манихейского словаря» (Вахтин, 2011). Пространственные и временные характеристики такого (квази) природного состояния сказочно-утопические — без конкретных координат, а где-то далеко и испокон веков (варианты: *на тысячи километров* и *тысячелетиями* и т. п.); они присутствуют не только в раннесоветских формулировках, но и в более поздних описаниях.

«Ивдель долго был медвежьим углом», «затерянным в дебрях Уральского Севера» селом.

Н. Чазов. «Поправка к мечте» («Северная звезда», 1941)

Лес, до этого молчаливый тысячелетиями, огласился штурмом труда.

В. Шелконогов, бригадир плотников участка № 1. «Начало штурма» («На стройке Качканара», 1959)

В противоположность пейоративным, в терминах Вахтина, номинациям природы действия (советского) человека приобретают гонорифический, прославляющий статус. Из приведенных фраз каждому должно стать понятно, что *бесплодное, глухое, каменистое, затерянное в дебрях* — это плохо, и каждый должен возрадоваться *кипению стройки и штурму труда*.

Результаты преобразующей деятельности еще более впечатляющи, если поселение возникает в совершенно «необжитом месте», в «дикой глухомани» (Сальник, 1999: 37). На Урале такие места отличались особой *дремучестью, топью, морозами* и гнусом:

Здесь дремучий лес, топь, голое снежное поле. Первые строители расположились лагерем в палатках и, непривычные к трескучим уральским морозам, метелицам...

Мих. Полисюк. «Будущее северного города (о Краснотурьинске)» («Уральский рабочий», 1946)

Дикое, глухое, древнее свидетельствовало о принадлежности к старому миру, который не сдавал своих позиций без борьбы. Пафос спасительности преобразования был в высшей степени характерен для риторики первых советских десятилетий:

Мы видим, что нет больше Урала — диких сосен. Нет глухого Урала, обреченного капитализмом на вечный застой. Могучая сила большевиков превратила этот край в сгусток социалистической индустрии. Мы видим, как бесследно гибнет то, что называлось глухой провинцией, вырастают новые социалистические культурные центры.

Н. Харитонов. «Учиться, бороться, расти. Выступление на 12-й уральской областной конференции [ВКП(б)]» («Штурм», 1934)

Важный элемент этой формулы — всеохватность изменений. Мир нуждался и подвергался *переделке*:

Мы построим канал и переделаем Уральский Север.

А. Маленький. «Дорога к океану. Переделка Севера» (Маленький, 1933)

История еще не знала такого гигантского размаха, таких поистине большевистских темпов переделки экономики, культуры необъятной страны, переделки природы и человека.

«Двадцать лет советской власти» («Социалистический город», 1937а)

Дикая природа в анализируемых текстах нередко выступает самостоятельным субъектом, причем до сих пор безраздельно господствовавшим. К человеку сей субъект расположен довольно неприветливо, чтобы не сказать враждебно.

А вокруг поселка стояла тайга — неприступная, молчаливая, словно охраняя от человека богатства, спрятанные природой в глубоких недрах.

Ю. Хазанович. «Город в тайге (о Краснотурьинске)» («Заря Урала», 1946)

Тайга встречала неприветливо.

В. Панкратов. «Молодые покорители тайги» («На смену!», 1967)

В отношениях бескомпромиссной борьбы мощь и неприступность природы делают ее достойным противником, сражаться с которым весьма почетно. С начала 30-х годов милитаристский окрас упоминаний природы в текстах о новых городах становится программным во многом благодаря призыву Горького «объявим природе бой!», обращенному к рабочим Магнитостроя, Уралмашиностроя и др. со страниц «Правды» и «Известий» в 1931–1932 гг. (Горький, 1931; см. также: Ушакин, 2005: 275–282; Добренко, 2007). У уральского писателя-фронтовика Ю.Я. Хазановича военные метафоры получают особенно насыщенными:

Однажды утром они [первые строители] вышли в наступление на тайгу. Валились под топорами столетние сосны и ели. Дерево за деревом, ломая ветки, оглашая тайгу тяжелым тревожным стоном, падало на землю.

Потом вдруг раздалась взрывы. Будто перекликаясь с далекими полями сражений загремели взрывы в тайге и высоко к небу поднялись черные густые клубы дыма. Но это были взрывы созидания.

Взлетали и падали вывороченные пни, сплошным черным дождем осыпалась земля, и тогда на голой поляне чудесно возникали столбики с дощечками, на которых были написаны названия цехов.

Ю. Хазанович. «Город в тайге (о Краснотурьинске)» («Заря Урала», 1946)

Военная лексика (*наступление, сражения, взрывы*) сопровождается картинками разрушения (*валились, ломая, падало, взлетали и падали, осыпалась*), здесь много страшного: «тяжелым тревожным стоном», «черные густые клубы дыма», «сплошным черным дождем». Позитивный импульс, по крайней мере, для сегодняшне-

го восприятия, менее убедителен — это данное через разделительный союз «но» утверждение, что взрывы созидательны, после них чудесно возникают указатели будущих цехов.

В логике того же дискурса природу нужно активно (и беспощадно) преобразовывать именно потому, что она — суть проявление «вековой косности», против которой и был направлен раннесоветский и — шире — прогрессистский проект.

Венчает борьбу закономерная победа советских людей. Природа, будь то тайга или степь, в этой схватке неизбежно *покоряется и отступает*.

Обильные своими водами стремительные реки покоряются человеческому труду, они покорно меняют свои русла и соединяются каналами. Недоступные прежде районы ледяной Арктики и Заполярья ныне завоеваны большевиками.

«Двадцать лет советской власти» («Социалистический город», 1937b)

Все дальше и дальше под сильными ударами молодых патриотов, пришедших на строительство самого молодого уральского города, отступает вековая тайга, уступая место жилым и производственным объектам, растущим ввысь с каждым днем.

Я. Терешко. «В передовой бригаде» («На стройке Качканара», 1959)

Тексты строятся так, чтобы подчеркнуть: речь идет о скачке из одного качества в принципиально иное. В дальнейшем такой подход найдет воплощение в «великом плане преобразования природы» (согласно постановлению Совмина и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г., план был рассчитан на 1949–1965 гг.). В собранных вместе номинациях отношения к природе: покорение, переделка, преобразование и т. п. легко читается и другое означаемое — человек. Воспринимался человек как часть природы или нет, но на него, как известно, всерьез распространялось то же гиперактивистское стремление к перековке, но это уже выходит за пределы нашей темы.

В целом дискурсивный ход: *от вчерашней дикости к процветанию в будущем* — демонстрирует завидную живучесть, идет ли речь о первых социалистических городах или стройках 1950–1960-х, текстах того времени или созданных десятилетия спустя. Так, начатое в 1957 году строительство г. Качканара стабильно снабжается риторикой *глухой необжитый край vs красавец комбинат/город* (Анимица, 1975; Медведев, 1999: 3). Апелляции к разворачиванию строительства *с нуля — на пустом, голом месте* присутствуют и в современных описаниях истории многих молодых городов, будь то интернет-сайт поселения или текст к какой-либо юбилейной дате. Этот «нулевой цикл» оказывается исключительно важным, вокруг него выстраиваются мифы о первостроителях, которые удивительно похожи в разных городах⁹.

9. Возможно, в сюжетах о начале строительства на «пустом месте» заключены библейские обертоны («земля же была безвидна и пуста...»). (Благодарим за эту идею проф. Елену Трубину.)

Перейдем ко второму условно выделенному типу дискурсивного производства и чтения природы.

Мирное взаимодействие с природой: трансформация оптики (1950–1980-е)

Во второй половине XX в. сложившийся дискурс покорения постепенно наполняется риторикой сотрудничества и поиска компромисса — мы не просто покоряем природу, мы превращаем ее в партнера, способного помогать завоевывать новые вершины. Кроме того, важным маркером переходного состояния дискурса становится тенденция эстетизации природы и увязывание ее с вечной красотой.

В 1960-е, эпоху обновления, речь о жизни и смерти уже не шла, поэтому «бой с суровой природой» представлялся скорее «джентльменским поединком: на одной стороне могучая непокоренная стихия, на другой — молодость, задор, идеалы» (Вайль, Генис, 2013: 102). С новой силой звучит тема романтики, мобилизующей молодежь на свершения. Используемые приемы милитаристского дискурса: метафора строителей как армии бойцов, одушевление отступающей природы по-прежнему популярны, однако тексты этого периода уже не рисуют батальных сцен. Поскольку новый мир в целом уже победил, прежние установки в отношении природы исчерпали себя. Энергетика преобразования вместо суровой борьбы теперь (снова) требует лиризма, и описание природы блестяще выполняет эту задачу:

Шумят под ветром ветвями белоствольные березы, одевшись в первые зеленые листья. Под напором дружной армии молодых бойцов отступает тайга, а на месте ее вырастают новые дома.

Н. Ямин. «Бригадой руководит Альбина Фролина» («На стройке Качканара», 1959)

В этом фрагменте идея победной борьбы (*напор — армии — бойцов → отступает*), пожалуй, сама уступает в выразительности приходящей ей на смену идее дружной молодости, романтики первенства, которая оформится в культурной памяти в виде глорификации первостроителей («Слава первостроителям!») (Рис. 1). Природа уже не выступает враждебной силой, противостоящей человеку. В белом и зеленом, она скорее на стороне дружных молодых.

Рис. 1. «Слава первостроителям Качканара!»
2013 г. — год 50-летия Качканарского комбината (фото авторов)

Преобразование природы, однако, предстает не менее радикальным, чем в годы первых пятилеток, когда в Нижнем Тагиле «была гора Высокая, стала яма глубокая». В 1960-е такая же судьба предрекалась горе Качканар:

Почетно считаться вершиной. Но скоро горе Качканар придется расстаться с этим титулом. Гору сровняют с землей.

В. Сметанин. «Высота Качканара» («Смена», 1962)¹⁰

В итоге почет достается не горе, а ее покорителям: горы Качканар нет ни на одном из восьми снимков, сопровождающих данный фотоочерк в центральном иллюстрированном журнале.

Сегодня гора Качканар выступает главной достопримечательностью и в официальном дискурсе, и в предпочтениях информантов, которые признают ее любимым местом в городе (КЖ60), ценят за то, что «это одна из самых высоких гор на Среднем Урале» (КЖ28), и за то, что «там очень красивая природа, там есть такие

10. В начале 2016 г. нереализованная ранее идея разработки собственно Качканарского месторождения вновь перешла в активную фазу.

цветы, которые нигде в городе не увидишь» (КЖ29)¹¹. За счет горы и сам город приобретает особое качество: «С некоторых улиц просто классный вид опять же на пруд, опять же на гору. Если ты был в Качканаре и не побывал на горе Качканар, то ты не был в Качканаре» (КМ17). В фотоподборке, представленной информантом по нашей просьбе, одна из пяти фотографий — вид с горы Качканар (Рис. 2).

Рис. 2. На горе Качканар
(фото предоставлено информантом,
публикуется с его разрешения)

Индустриальная политика природы (Macnaghten, Urry, 1998) жестко отделяет нежеланную природу — пустыри, болота и сорные травы от желанной — садов, скверов, газонов и цветников. Негативно определяемая природа конструируется через автоматическое восприятие ее как проблемы, требующей разрешения (Thorsheim, 2006: 194). Достойной города может быть только та природа, которая прошла культивацию, — так, недавно ставший городом Дегтярск «показывал» не просто деревья и цветы, но организованные скверы¹² и цветники:

Где еще совсем недавно были пустыри, теперь выросли широкие улицы с красивыми многоэтажными домами, окруженными садами и скверами. <...> На месте недавнего болота поднялся Дворец культуры с газонами и цветниками. Нет теперь пустыря: там, где кустились сорные травы, выстроен большой корпус механического цеха и четырехэтажное здание рудоуправления. Недалеко от него раскинулся сад горняков с летним театром.

И. Захаров, председатель исполкома Дегтярского городского Совета депутатов трудящихся. «Самый юный» («Уральский рабочий», 1955)

11. Цитаты из интервью снабжены шифром, в котором первая буква означает город (К — Качканар, Кр — Краснотурьинск, Л — Лесной, З — Заречный), вторая буква — пол информанта, цифры — возраст.

12. Обзор литературы о функциях и культурной семиотике парков и недавнее исследование см. Кухер, 2012; Самутина, Степанов, 2014.

Красота и цветение, как правило, служат парафразом процветания, как в статье к 10-летию Краснотурьинска:

Они [трудящиеся нашей страны] хотят украсить землю чудесными сооружениями и цветущими садами, и они делают ее такой.

Я. Волгин. «Новые горизонты» («Заря Урала», 1954)

Сегодня в Краснотурьинске знаковым местом выступает Водная станция на набережной. Ее вспоминают люди и старшего возраста, и совсем молодые: *«У нас очень красивая набережная. У нас хороший городской пруд. Раньше, конечно, она была интереснее, но вот нынче уже тоже стали за ней ухаживать. <...> Сосны стоят, там такие скамеечки. Ну хорошее место, красиво»* (КрЖ67). *«Раньше были, полчается, здесь фонтанчики, ограждения, кафешка была — мм!»* — причмокивает молодой человек, тут же сокрушаясь по поводу нынешнего плачевного состояния Водной. Это место у него сопряжено и с личными воспоминаниями: *«Вот здесь были самые... мои любимые качельки»*, и с семейными, из рассказов мамы: *«Лет по 25, гуляли постоянно, собирались, постоянно приедут, там музыку кто-нибудь привезет. Ну красиво потому что»* (КрМ20).

К 1960-м намерения беречь природу входят в систему. Специалисты констатируют неутешительный факт, что «при строительстве городов в лесных массивах в большинстве случаев лес или вырубается полностью, или сохраняется в количествах, не превышающих 10–12% от первоначального», и тот вскоре гибнет (Мирзоев, 1963: 74). Заречный — яркий пример нового подхода к строительству города в условиях отсутствия полномасштабной вырубki. Сегодня наши информанты с энтузиазмом рассказывают, что у приезжих складывается *«ощущение, что мы действительно какие-то дикie лесные люди... впечатление того, что мы живем в лесу»* (ЗЖ21), «дикость» здесь приобретает позитивный оттенок. Эта же информантка искренне восхищается деятельностью жильцов, создавших около своего дома экспозицию, которая подчеркивает лесной характер ландшафта города (Рис. 3).

Рис. 3. «Облагороженная» природа в городе
(фото сделано во время интервью ЗЖ21)

В 1970-е благодаря содружеству с природой облик города, красота ландшафта признаются актуальными ценностями. Архитекторы разрабатывают методы вписывания «новых промышленно-жилых районов в красивый, по разнообразию сложный ландшафт Северного Урала, Зауралья и Среднего Приобья» (Шауфлер, 1975: 50). Теперь важно, чтобы архитектурно-планировочная структура жилых районов следовала особенностям естественного уральского ландшафта: «Этим сохраняются более ценные лесные массивы, исключаются из жилой застройки заболоченно-заторфованные участки, городские центры раскрываются в сторону красивых видов ландшафтов и в конечном итоге создаются наиболее благоприятные, комфортные условия для проживания трудящихся» (Шауфлер, 1975: 50). Ландшафтное фокусирование, по мысли архитектора, предполагает размещение видовой площадки и ресторана на Лысой горе, вблизи карьера Качканарского ГОКа. Такая площадка до недавнего времени действительно существовала, открывая значимый для качканарцев вид: «Там все наши месторождения железной руды, там все наши карьеры. <...> Вид, конечно, захватывающий, смотришь на эти карьеры, там есть смотровая площадка» (КЖ28). Информанты из этого города весьма сожалеют о том, что компания-владелец ГОКа закрыла смотровую

площадку. Показательно, что для обзора предоставлялось, по умолчанию, самое замечательное — карьер как реально остающийся в городе результат деятельности комбината. Вполне закономерно также, что этот вид присвоен предприятием, которое и распоряжается им по своему усмотрению.

Жители гордятся обилием зелени, видя в этом позитивное отличие от более крупных городов: *«У нас город очень зеленый, летом очень красиво, воздух чистейший, ну по сравнению с... Екатеринбургом чувствуется, особенно с Тагилом большая разница»* (КЖ28). При этом важно, чтобы территория была «облагорожена». Центральная и, как шутят, единственная в Качканаре, улица обязана своей красотой статусу променада не меньше, чем зелени обрамляющих ее тополей: *«Проехать по Свердлова вечером, у нас красиво так. <...> Когда наступает весна, можно здесь ездить и на девушек смотреть. Все они красивые такие выходят сюда на променады и туда-сюда ходят. <...> Здесь летом очень красиво. Зеленое все по бокам»* (КЖ29).

Итак, актуальный на первом этапе акцент покорения сменился сотрудничеством и эстетизацией; в наступившей далее фазе на первый план выходит тематика катастрофичности и экологических рисков.

Экология: конверсия рисков (1980-е по настоящее время)

Столкновение с последствиями уже проведенных преобразований, появившееся в мире и Советском Союзе природоохранное законодательство сделали популярной тему вреда, наносимого природе человеком. В 1970-е стало возможным вслух говорить о катастрофе целины (что не мешало вынашивать планы поворота сибирских рек). Впереди — чернобыльская катастрофа, открытое обсуждение последствий аварии на челябинском «Маяке». Если в годы первых пятилеток воздействие на природу прославлялось как созидательное, то теперь артикулируется его разрушительность. Встает вопрос о том, как «привлечь в города изгнанную природу» Проханов А. Колыбель («Смена», 1973: 15¹³), и это еще одно принципиальное изменение «чтения и производства» природы. А именно теперь «дикая» природа выступает в качестве желанного элемента города, в отличие прежнего восприятия как чего-то внешнего — окружающей среды, нуждающейся в покорении и преобразовании.

В науке исследования катастроф помещаются в более широкий контекст — анализ и прогноз спектра последствий принимаемых решений (в узком, управленческом ракурсе) и любой деятельности (в широком ракурсе). Катастрофы становятся одним из вариантов развития событий. Таким образом, катастрофичность каталогизируется и превращается в радикальное негативное следствие взаимодействия природы и общества, но, что самое важное, это всего лишь одно из следствий. Спектр возможных отношений между природой и обществом становится

13. Весь ноябрьский выпуск «Смены» 1973 г. посвящен «проблеме века: гармонии цивилизации и природы».

предметом исследований экологии. В этом наукообразном виде они становятся доступными для тиражирования с помощью средств массовой информации. В результате катастрофичность как бы подменяется более респектабельными и предсказуемыми экологическими рисками.

В начале 2000-х годов в дискурсе природы появляется новый акцент. Бра-вурный оптимизм «неограниченных возможностей неисчислимых природных богатств» (Отчет о работе Уральского областного комитета ВКП(б). Доклад секретаря Уралобкома ВКП(б) тов. И. Д. Кабакова [«Уральский рабочий», 1929: 1]) оборачивается риторикой истощения:

Конечно, богатства природы и недр за 250 лет освоения его окрестностей за-метно поубавились. На вырубленных в 1930–1960 годы огромных пространствах полноценный лес еще не вырос, но небольшие деревообрабатывающие производства в Волчанске еще существуют. Иссякли и месторождения россыпного золота.

Ю. Гунгер. «Новый маршрут Волчанска» (Гунгер, 2008: 212–213)

Смыслообразующим утверждением этого периода является обвинение индустриального производства, не контролирующего последствия своей деятельности. Природа рассматривается в качестве жертвы, которая может отомстить за причиненный ей ущерб. Официальный дискурс первого советского периода напрямую не проблематизировал вредное воздействие производства. Эта тема выходила на поверхность, во-первых, при обсуждении выбора места для строительства. Грамотный учет господствующих ветров, призванный обезопасить поселение от вредных выбросов, проходит красной нитью и в дискурсе экологической ситуации Качканара уже в позднесоветское время и сохраняется вплоть до сегодняшнего дня. Во-вторых, в 1930-е годы в узкоспециализированных статьях о выборе подходящих газо- и дымоустойчивых сортов деревьев в условиях, когда «ядовитые вещества в воздухе вредно влияют на зеленые насаждения» (см., напр.: Красинский, 1935, 1936; Каппер, 1936).

В наших качканарских интервью практически отсутствуют упоминания шламохранилища. Когда в ходе go-along интервью оно оказывалось вблизи или даже попадало в зону видимости, информанты не обращали на него никакого внимания. Одна из участниц исследования некоторое время спустя призналась, что только после наших вопросов обнаружила, что шламохранилище за последнее время сильно выросло.

Можно предположить зависимость такой невнимательности от относительно стабильной работы градообразующего производства. В монопоселениях, каковыми являются все четыре изучаемых молодых города, для жителей прежде всего важно именно экономическое положение завода. Остальные аспекты его деятельности уходят на второй план, поэтому предприятию нет нужды напрямую «оправдываться» по вопросам экологии. В то же время Белоярская атомная электростанция (БАЭС, г. Заречный) систематически производит нормализую-

щий информационный фон, регулярно сообщая о (низком) уровне радиации, обеспечивая таким образом эффект полного управления рисками. Когда в Заречном и Лесном с их объектами концерна «Росатом» нам указывали на грязный пруд, где плохо пахнет от водорослей и запрещено купаться, то говорили об этом без малейшего трагизма. Мусор возле «ключа» — сооружения на въезде в Качканар, вырубка зеленых зон под строительство и другие непроизводственные угрозы природе оказываются намного более востребованными темами в текущей повестке дня, нежели последствия деятельности предприятий. В Лесном некоторые информанты упоминали о радиации и, возможно, более высоком распространении онкологии, но говорили об этом между делом и как о чем-то вполне привычном. Жители Заречного буквально глумятся¹⁴ над страхами иногородних — нет у них никакой радиации. *«Почему-то все иногородние про это спрашивают [смех]: „А вы случайно в ночи не светитесь?“*» (ЗЖ36).

Исследователи тоже оказались в числе носителей неоправданных, по мнению жителей г. Заречного, страхов, что хорошо иллюстрирует интервью, где девушка рассказывает о БАЭС и как она ездит туда летом на велосипеде: *«Там все купаются летом, там очень теплая всегда вода, но мне страшно. / Интервьюер: Думаете, облучать будет? / Нет, не облучать, а просто там коряги всякие, за коряги зацепиться боюсь. И там поток сильный»* (ЗЖ18).

Иная ситуация в Краснотурьинске — на протяжении ряда лет хиреющий завод и, соответственно, *«умирающий почти город»* (КрМ45). Здесь участники исследования отмечали и ядовитое шламохранилище, и другие негативные последствия деятельности предприятия. *«То, что у нас завод дымит, это, говорит, это однозначно в минус. Только заехали в город, он говорит, мы просто офигели, в че мы заехали? Там просто купол стоит этот, дыма — это все, полнейшее гз. Вода тоже такая же»*, — передает информант (КрМ20) впечатления своего знакомого. О реке этот молодой человек отзывается не менее сурово: *«Один раз в детстве искупался, весь прыщами покрылся, я больше не буду никогда купаться»*. Другой краснотурьинец также говорит о загрязнении реки, демонстрируя свой способ минимизации риска: *«Турья река, она течет очень далеко с гор уральских, и несколько водохранилищ даже имеется на ней. А отравляет... ну там в какой-то мере завод, конечно, отравлял. А мы рыбачим все, то есть выше по течению рыбачим»* (КрМ70).

Тот факт, что завод травит горожан, но не тотально, приводит к определенной дедраматизации проблемы: *«Потом завод, конечно, он больше нас травил фтором [посмеивается]. Электролизное производство, там обязательно фтор употребляется, а фтор — это очень ядовитое существо. В общем-то, у нас есть жители, которые по 100 лет прожили. То есть как-то тут не поймешь»* (КрМ70).

В этом же интервью обнаружился дискурсивный ход, который мы назвали феноменом конверсии экологического риска: поскольку природа «портится» от деятельности завода, в его остановке есть хоть небольшой плюс: *«Сейчас... электро-*

14. Формулировка принадлежит Н. В. Ершовой.

лизное производство практически остановлено, завод очень мало дает выбросов. <...> Были выбросы такие, что вот белое, плохо видно и дышать нечем. А как люди там работали» (КрМ70).

Экологические элементы дискурса природы обладают известной долей противоречивости. С одной стороны, они указывают на необходимость снижения отходов производства, и даже самого производства, а с другой — предполагают разрастание природы. Содержание дискурса меняется. Параллельно с индустриальным ростом, а в Заречном на момент исследования вводился в строй новый энергоблок атомной электростанции, природа как бы восстанавливает равновесие: «Грибы, ягоды, живность всякая разбегалась вон. Косули попадаться начали, тетерева появились, потихоньку развелись» (ЗМ48). В то же время «наступление» природы в современном дискурсе может трактоваться как проявление заброшенности или неухоженности города — но опять-таки в модернистской рамке «город–природа»: «Травы очень много. Вот сейчас она только поперла, а потом она такой будет сухостой стоять необрунный» (ЛЖ27).

Заключение

В Краснотурынске — пруд и набережная, в Качканаре — гора и пруд, в Заречном — зеленые «острова» по всему городу, в Лесном — пруд и окрестности: проведенное исследование показывает, что природа занимает существенное место в дискурсе молодых городов. Она является едва ли не самым мощным идентификатором, обеспечивающим стабильность и непрерывное существование города.

Дискурсивные конструкции весьма разнообразны. В раннесоветском дискурсе «дикость» противопоставляется прогрессу, культуре и цивилизации. Отношения с природой выступают прежде всего в модусе активного на нее воздействия, замены рукотворным ландшафтом. Враждебная природа вовлекается во взаимодействие под знаком общей установки на тотальное преобразование всего мира. Военственная лексика выразительно структурирует советский дискурс, затухая лишь в последние десятилетия, по мере того как выдыхалась мобилизационная модель в целом. Проблески бережного отношения в 1930-е годы выглядят исключением, только много позднее они станут появляться чаще, пока не закрепятся в повестке дня в 1970–1980-е. Таким образом, наибольшая трансформация изучаемого дискурса произошла по оси мирного взаимодействия с природой.

Апелляция к созданию предприятия и города с нуля в современных коммеморациях закрепляет статус прогрессистского противоборства с его индустриальной обреченностью. Рецидивы модернистского покорения природы совершенно закономерны для индустриального моногорода. В Качканаре перспектива когда-то радостно ожидаемого второго ГОКа сегодня сопровождается паникой, что «сроят гору» (КМ16). Такое будущее означает конец и промышленного развития, и природных достопримечательностей. В Краснотурынске привычная эксплуатация природных ресурсов завела в тупик, «внезапно» оказавшись нерентабельной. Официально заявленные надежды таких моногородов, как Краснотурынск и Ас-

бест, связаны с переработкой отходов прежнего основного производства, т. е. по-прежнему замкнуты на природные ресурсы.

Поскольку природа считается горожанами частью жизненной среды, постольку идентификация с городом неизбежно включает в себя природу. Колониальная позиция (осваивать, использовать на пользу дела) сегодня сочетается с постколониальным или неоромантическим любованием природой. Для жителей молодого — при этом, как правило, индустриального и монопрофильного — поселения здесь возникает серьезная проблема, порождающая двойственность дискурса. С одной стороны, артикуляция экологических рисков, восхищение лесами и горами, «естественной» и «облагороженной» средой, ценимой как источник позитивной локальной идентичности и комфорта, возможностей интересного досуга (лыжные трассы, походы на гору, буддистский монастырь на горе Качканар, близкий выход в настоящий лес, туристические маршруты в Лесном и т. п.). С другой — признание необходимости дальнейшего промышленного использования природы для поддержания жизнеспособности города. Экологическая линия оказывается более слабой, поскольку людям трудно себе представить жизнь города без ведущего предприятия.

Ключевым парадоксом дискурса природы в молодых городах является то, что ни одна из его составляющих не исчезает, не вытесняется полностью, меняется лишь расстановка акцентов. Не является ли восхищение карьерами или плотиной приглаженным парафразом дискурса покорения? Когда мы дружим с природой, это больше напоминает «дружбу» дрессировщика с тигром, мы до сих пор втайне восхищаемся своими победами над ней, точнее, признаем свое априорное превосходство и право дрессировать и использовать.

Список сокращений

БАЭС — Белоярская атомная электростанция, градообразующее предприятие г. Заречного
ГОК — Горно-обогатительный комбинат, градообразующее предприятие г. Качканара

Источники

- Анимица Е. Г.* (1975). Качканар // *Анимица Е. Г.* Города среднего Урала. Свердловск: Средне-уральское книжное издательство. Режим доступа: http://urbibl.ru/Knigi/animica/goroda_sred_urala_22.htm (дата доступа: 24 января 2016 г.).
- Горький М.* (1931). Рабочим Магнитостроя и другим // *Правда, Известия.* 23.08. № 232.
- Гунгер Ю.* (2008). Новый маршрут Волчанска // *Земля городов: культурно-исторические очерки* / Под ред. В. Нестерова. Екатеринбург: Сократ. С. 212–213.
- Заря Урала* (1954). 28.11. № 142. С. 3.

- Заря Урала. (1946). 24.08. № 74. С. 2.
- Красинский Н. (1935). Озеленение промышленных площадок // Социалистический город. № 3. С. 12–18.
- Красинский Н. (1936). Как и чем озеленять промплощадки // Социалистический город. № 9. С. 25–29.
- Каппер О. Г. (1936). О выборе древесных пород для озеленения города // Социалистический город. № 9. С. 29–31.
- Медведев Ю. (1999). Будь вечно юным, Качканар! // Качканар. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 3.
- Мирзоев Р. А. (1963). Озеленение Ангарска. Опыт сохранения леса среди городской застройки // Проблемы советского градостроительства. № 14. С. 74–80.
- Маленький А. (1933). Новый материк. Свердловск–Москва.
- На смену! (1967). 27.05. № 102. С. 1.
- На стройке Качканара (1959). 28.05. № 4. С. 1.
- На стройке Качканара. (1959). 21.05. № 3. С. 1.
- На стройке Качканара. (1959). 05.05. № 1. С. 2.
- Правда (1932). 11.06. № 160. С. 1.
- Сальник В. (1999). Начало // Качканар / Под ред. В. С. Беляева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 37.
- Северная звезда (гор. Ивдель) (1941). 01.01. № 1. С. 2.
- Смена (1973). № 1116. С. 15.
- Смена. (1962). № 846. С. 10.
- Социалистический город (1937a). № 9-10. С. 5.
- Социалистический город. (1937b). № 9-10. С. 5–8.
- Уральский рабочий (1929). 12.04. № 84. С. 1.
- Уральский рабочий (1946). 31.03. № 77. С. 3.
- Уральский рабочий (1955). 27.02. № 49.
- Шауфлер Г. (1975). Сохранение ландшафта в жилых районах нового промышленного освоения Урала и Зауралья // Архитектура СССР. № 9. С. 50–53.
- Штурм (1934). № 2. С. 117–120.

Литература

- Бёдекер Х. Э. (2010). Отражение исторической семантики в исторической культурологии / Пер. с нем. В. Дубиной // История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение. С. 5–17.
- Болотова Ю. К. (2014). «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. № 5(97). С. 170–188.
- Вайль П., Генис А. (2013). 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ, Corpus.

- Вайнер Д.* (1991). Экология в Советской России: Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы / Пер. с англ. Д. Вайнера; послесл. и ред. Ф. Р. Штильмарка. М.: Прогресс.
- Вахтин Н. Б.* (2011). Языковое манипулирование и воздействие на сознание на примере языка советской эпохи // Элитариум 2.0. Librarium. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/jazykovoje_manipulirovanie_sovetskojj_jepokhi/ (дата доступа 24 января 2016 г.).
- Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М.* (2011). Моногород: дилеммы конструирования пространства // Топос. № 1. С. 208–224.
- Добренко Е.* (2007). Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение.
- Кухер К.* (2012). Парк Горького: культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 / Пер. с нем. А. И. Симонова. М.: РОССПЭН.
- Макнотен Ф., Урри Дж.* (1999). Социология природы / Пер. с англ. А. Д. Ковалева // Теория общества / Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. С. 261–291.
- Самутина Н. В., Степанов Б. Е.* (Ред.). (2014). Царицыно: аттракцион с историей. М.: Новое литературное обозрение.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* (2009). Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. и науч. ред. А. А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр.
- Трубина Е.* (2008). Урбанистическая теория. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Ушакин С.* (2005). Поле боя на лоне природы: от какого наследства мы отказались // Новое литературное обозрение. № 1 (71). С. 263–300.
- Фуко М.* (1996). Археология знания / Пер. с франц. С. Митина и Д. Стасова. Киев: Ника-центр.
- Fairclough N.* (1995). *Critical Discourse Analysis*. London: Longman.
- Macnaghten Ph., Urry J.* (1998). *Contested Natures*. London: SAGE.
- Pretty J., Ball A.S., Benton T., Guivant J., Lee D. R., Orr D., Pfeffer M. J., Ward H.* (2007). *Introduction to Environment and Society // The SAGE Handbook of Environment and Society / Ed. by J. Pretty, A. S. Ball, T. Benton, J. Guivant, D. R. Lee, D. Orr, M. J. Pfeffer, H. Ward*. London: SAGE. P. 1–32.
- Thorsheim P.* (2006). *Inventing Pollution: Coal, Smoke, and Culture in Britain Since 1800*. Athens: Ohio University Press.
- Williams R.* (2005). *Ideas of Nature // Williams R. Culture and materialism: Selected Essays*. London: Verso. P. 67–85.

The Discourse of Nature in Young Towns

Natalya Veselkova

Associate Professor, Department of Applied Social Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Russia)

Address: 19 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: vesselkova@yandex.ru

Mikhail Vandyshev

Associate Professor, Department of Theory and History of Social Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Russia)

Address: 19 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: m.n.vandyshev@urfu.ru

Elena Pryamikova

Associate Professor, Head of the Department of Social and Political Studies, Ural State Pedagogical University

Address: 26 Kosmonavtov av., Ekaterinburg, Russian Federation 620017

E-mail: pryamikova@yandex.ru

The article is devoted to the "reading" and production of nature (in the terms of Macnaghten and Urry) in the discourse of young industrial towns arising in Russia after 1917. The empirical research is focused on four Ural settlements of Krasnoturyinsk, Lesnoy, Zarechny, and Kachkanar. Two chronologically different types of sources are used, those related to the Soviet and post-Soviet periods, which accumulated official and unofficial discourses. The main field method is the go-along interview. The analytical scheme elaborated to deal with the collected materials includes: a) semantic statements specifying the general vector of expression and perception of nature; b) the status of nature in a relationship with man, and; c) the predicative elements which reveal the understanding of nature and its relationship with non-nature. Three phases of the discourse of nature are highlighted on the basis of the analytical scheme. 'Conquest' is a semantic statement at the first stage. In the second stage, it is changed by the rhetoric of partnership, while the third stage emphasizes environmental issues. The article concludes that a fundamental duality is characteristic for the discourse of nature in young towns. On the one hand, it articulates environmental risks, and an admiration of forests and mountains since "natural" and "refined" environment are valued as a source of positive local identity, comfort, and interesting leisure opportunities. On the other hand, there is a recognition of the need for the further industrial use of nature to maintain the vitality of the town. The ecological line (argument?) is weaker because the perception of enterprise as a backbone of the basis of life persists.

Keywords: discourse, nature, new industrial town, backbone enterprises, risks, go-along interview, Ural

References

- Boedecker H. E. (2010) Otrazhenie istoricheskoy semantiki v istoricheskoy kulturologii [Reflection of Historical Semantics in the Historical Cultural Studies]. *Istorija ponjatij, istorija diskursa, istorija metafor* [History of Concepts, History of Discourse, History of Metaphors], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–17.
- Bolotova J. (2014) "Esli ty poljubish Sever, ne razljubish nikogda": vzaimodejstvie s prirodoy v severnyh promyshlennyh gorodah ["If you love the North, do not stop love it ever": Interaction with Nature in the Northern Industrial Cities]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 5, pp. 170–188.
- Dobrenko E. (2007) *Politjekonomija socrealizma* [Political Economy of Socialist Realism], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Fairclough N. (1995) *Critical Discourse Analysis*, London: Longman.
- Foucault M. (1969) *L'archéologie du savoir*, Paris: Gallimard.
- Kucher K. (2012) *Park Gorkogo: kultura dosuga v stalinskuju epohu. 1928–1941* [Gorky Park: Leisure Culture in the Stalin Era, 1928–1941], Moscow: ROSSPEN.
- MacNaghten Ph. M., Urry J., (1998) *Contested Natures*, London: SAGE.
- MacNaghten Ph. M., Urry J. (1999) Sociologija prirody [Sociology of Nature]. *Teorija obshchestva* [Theory of Society] (ed. A. F. Filippov), Moscow: KANON-Press-C, Kuchkovo pole, pp. 261–291.
- Pretty J., Ball A. S., Benton T., Guivant J., Lee D. R., Orr D., Pfeffer M. J., Ward H. (2007) Introduction to Environment and Society. *The SAGE Handbook of Environment and Society* (eds. J. Pretty, A. Ball, T. Benton, J. Guivant, D. R. Lee, D. Orr, M. J. Pfeffer, H. Ward), London: SAGE, pp. 1–32.
- Samutina N., Stepanov B. (eds.) (2014) *Tsaritsyno: attrakcion s istoriej* [Tsaritsyno: An Attraction with History], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Thorsheim P. (2006) *Inventing Pollution: Coal, Smoke, and Culture in Britain Since 1800*, Athens: Ohio University Press.
- Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis], Kharkov: Humanities Center.
- Trubina E. (2008) *Urbanisticheskaja teorija* [Urban Theory]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Ushakin S. (2005) Pole boja na lone prirody: ot kakogo nasledstva my otkazalis [The Battlefield in the Midst of Nature: The Heritage We Refused]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 1, pp. 263–300.
- Vail P., Genis A. (2013) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [1960s: The World of Soviet People], Moscow: AST, Corpus.
- Vainer D. (1991) *Jekologija v Sovetskoj Rossii: Arhipelag Svobody: zapovedniki i ohrana prirody* [Ecology in Soviet Russia: Freedom Archipelago: Nature Reserves and Nature Protection], Moscow: Progress.
- Vakhtin N. (2011) Yazykovoie manipulirovaniie i vozdeistvie na soznaniie na primere yazyka sovetskoy epokhi [Language Manipulation and Impact on the Consciousness: An Example of the Soviet-Era Language]. *Elitarium 2.0. Librarium*. Available at: http://www.elitarium.ru/jazykovoe_manipulirovanie_sovetskoyj_jepokhi/ (accessed 24 Janury 2016).
- Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshev M. (2011) Monogorod: dilemmy konstruirovaniya prostranstva [Monotown: Dilemmas of Space Construction]. *Topos*, no 1, pp. 208–224.
- Williams R. (2005) Ideas of Nature. *Culture and Materialism: Selected Essays*, London, New York: Verso, pp. 67–85.